

О НЕКОТОРЫХ «ТАЙНАХ» БИОГРАФИИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

интерпретации историко-культурного наследия». Конференция предназначена, в первую очередь, руководителям детского и юношеского чтения, всем тем, кто не только по должности, но и по призванию приобщает подрастающее поколение к чтению, к истории и культуре России, родного края. Не случайно, традиционными стали представление краеведческих исследований, новых культурологических изданий, обмен практическим опытом по формированию краеведческой культуры детей и юношества.

26–27 февраля 2015 года состоялась шестая по счету конференция. В ней приняли участие сотрудники библиотек, музеев, аспиранты и преподаватели высших учебных заведений, представители Православной Церкви, краеведческих обществ, издателей домов, журналы, авторы краеведческих изданий. География участников – Республика Беларусь (Могилевская область), Петрозаводск, Омск, Арзамас, Череповец, Ржев, Вышний Волочек, Рыбинск, Ярославль.

Приветствия участникам конференции прислали: Лисицына Ирина Анатольевна, советник Департамента науки и образования Министерства культуры России; Митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеимон; в видео-записи – Ивашкевич Александр Георгиевич, актер Русского драматического театра (г. Таллинн, Эстония), исполнитель главной роли в художественном фильме «Ярослав. Тысячу лет назад». С приветственным словом к собравшимся обратились: Нечаев Александр Витальевич, 1-й заместитель мэра города Ярославля; протоиерей Алексей Кириллов, председатель Отдела по взаимодействию Церкви и общества Ярославской митрополии; Хитрова Ольга Владимировна, председатель комитета по образованию, культуре, туризму, спорту и делам молодежи Ярославской областной Думы; Каюрова Ольга Владимировна, начальник управления культуры мэрии г. Ярославля.

К сожалению, не всем из заявленных участников удалось приехать в Ярославль, поэтому мы сочли возможным дать им слово заочно, в виде обзора представленных на конференцию докладов, которые также вошли в этот сборник.

С 1 января 2015 года вступил в силу Закон Ярославской области «О праздниках и памятных датах Ярославской области». В список памятных дат вошел **День памяти Ярослава Мудрого** – 5 марта. В принятии этой даты мы видим и нашу заслугу.

*Труфанова Татьяна Алексеевна,
директор муниципального учреждения культуры
«Централизованная система детских библиотек
города Ярославля»*

Великого киевского князя Ярослава Владимировича летописец назвал «премудрым» князем за неустанную заботу о распространении христианства и образования в Киевской Руси, градостроительство и прекращение междоусобиц, братоубийственных войн. Время его правления в первой половине XI в. потомки называют «золотым веком» Руси, вершиной ее расцвета. Он останется в истории как Ярослав Мудрый, князь-воин, законодатель и просветитель, книжник, тот, кто шел по пути Владимира Великого, объединяя и укрепляя Русь, ее величие и международное значение.

Биографии Ярослава Мудрого не так много: небольшие очерки П. Алексеева [2], Н. И. Костомарова [7], академика П. П. Толочко [15]. В серии «ЖЗЛ» дважды издавалась книга о Ярославе Мудром, написанная А. Ю. Карповым [6]. Книгу под названием «Ярослав Мудрый» выпустил в 2012 г. В. Тороп [16]. Однако в имеющихся современных жизнеописаниях великого князя внимание сосредоточено главным образом на анализе разных источников, отражении в них отдельных биографических фактов, спорных вопросах их трактовки, что бесспорно важно, но за которыми трудно различимы жизнь, личность, замыслы и поступки великого киевского князя. К тому же имеющиеся биографии князя Ярослава обошли вниманием немало данных из краеведческой литературы, археологии, нумизматики, которые проливают свет на отдельные биографические факты, обстоятельства и условия его жизни. Особенно этими недостатками страдает книга В. Торопа, где к тому же путаница в датах, трактовках источников и событий.

В последние годы нарастает количество публикаций в периодической печати, особенно в Интернете, авторам которых принадлежат «сенсационные открытия», разгаданные «тайны» истории. Печальная участь в этих публикациях постигла и нашего героя, который представлен в них «носителем зла», «узурпатором», «покровителем киллеров», «убийцей своих родных братьев Бориса, Глеба и Святослава», «присвоившим себе лавры строителя Софии Киевской» и, конечно, «не мудрым». [8]

Не встретив заинтересованности со стороны московских издателей, автор выпустил книги о Ярославе Мудром на Украине,

чтобы, по возможности, восстановить историческую и биографическую правду [3].

Так был ли князь Святополк окаянным, а князь Ярослав мудрым? Обвинения Ярослава сводятся, в частности, к следующим: 1) «До последнего дня жизни Владимира Ярослав оставался его врагом» (Н. Котляр); Ярослав «захватил верховную власть силой, против воли отца» (Н. Никитенко, А. Тютюник); «претензии Ярослава на киевский стол были незаконными» (М. Филист, О. Бузина); он был «узурпатором» (А. Добрица, А. Тютюник); «набрал многочисленную варяжскую дружину для войны с отцом» (Ю. Пелевин); «перебил много знатных новгородцев-ярославцев(?)» (А. Максимов). 2) «Святополк не убивал Бориса, Глеба и Святослава, ибо пребывал в это время в Польше», битва между Ярославом и Святополком на Листвине... была битвой между Борисом и Мстиславом, в которой или сразу после нее погиб Борис (Н. Котляр); битвой между Борисом и Ярославом (А. Тютюник); Ярослав «нанял варягов убить брата» (Н. Никитенко и др.); «убийцей Бориса был не Святополк, а родной брат Ярослав»; «Глеба убили по приказу Ярослава» (А. Максимов, Ю. Пелевин, Л. Лихачева, А. Соловей, М. Соловей, О. Бузина, Г. Филист).

Чего стоит «убедительное» доказательство вины Ярослава, придуманное Ю. Пелевиным: новгородскому князю «дотянуться до Бориса из Новгорода было проще всего с помощью наемных убийц-варягов!» А ведь достаточно здравого смысла: между 15 июля (датой смерти князя Владимира) и 24 июля (датой убийства Бориса) настолько мало времени (в XI в. расстояние между Киевом и Новгородом преодолевалось водным и конным путем около месяца), что его не хватило бы даже для получения известия из Киева.

Летописи и все другие исторические источники не содержат фактических данных о намерении князя Ярослава в 1014–1015 гг. провозгласить себя «независимым князем» или о наличии у него «претензий» на верховную власть на Руси. Хотя, вполне вероятно, новгородский князь мог мечтать (и имел право) о киевском престоле, возвращении в Киев. Объективности ради, заметим: отказ платить дань Киеву новгородским князем – неуважение к отцу, которое не может быть оправдано с точки зрения морали. Это было нарушением и заведенного Владимиром Великим порядка управления землями Киевской Руси – ведь «такое даяху вси посадници новгородьстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву» [11, с. 88–89 ; 12, с. 69]. Однако тогда, в 1015 г., им руководили, скорее всего, соображения не мора-

ли, а экономические и политические, продиктованные претензиями на самоуправление Великого Новгорода. Отношение Ярослава Владимировича к своему отцу наиболее объективно иллюстрирует его последующая государственная деятельность, отношение к великим начинаниям Владимира Великого – Крестителя Руси, его памяти. Но не это интересует его обвинителей.

Какими же доказательствами оперируют обвинители Ярослава как «носителя зла», «виновного в смерти Бориса и Глеба»? Прежде всего, следует отметить, что все они ставят под сомнение, а нередко просто отрицают достоверность сведений из древнерусских летописей, житийных церковных сказаний о Борисе и Глебе, не признают а priori их источниковую ценность: первый летописный свод сложился в Киеве при Ярославе Мудром, «под его контролем и в его угоду», церковно-историческая же литература заимствовала факты из летописей. Летописные сведения о Святополке, будто он после смерти великого князя Владимира занял киевский престол, «решительно опровергаются» сообщением епископа Титмара о бегстве Окаянного к своему польскому тестю, следовательно, во время трагических событий на Руси в 1015 г. его не было. Таким образом, он не мог быть причастным к убийству князей Бориса, Глеба и Святослава.

Такие «доказательства» обвинителей Ярослава и реабилитации Святополка противоречат методологии источниковедения, принципам не только исторической науки, но и уголовного права и процесса. Во-первых, древнерусские летописи, несмотря на наличие в них лакун, отдельных неточностей и противоречий, по праву признаны ценным историческим источником, сведения из которого подтверждаются другими источниками, данными археологических исследований. Летописная повесть о событиях в Руси 1014–1019 гг. дошла до нас в двух редакциях – в «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи младшего извода. Первая русская летопись – Древнейший киевский свод – была составлена действительно, как считал выдающийся знаток древнерусских летописей А. А. Шахматов, Ярославовыми книжниками в 1037–1039 гг. После смерти великого князя в начале 1060-х гг. игумен Киево-Печерского монастыря Никон продолжил летописание и к 1073 г. составил второй летописный свод. В том же Киево-Печерском монастыре Нестор-летописец в 1093–1095 гг. завершает третий летописный свод, который Шахматов условно называл Начальным. Нестор-летописец продолжил летописание, редактирование и

дополнение Начального свода и в несколько приемов завершил составление дошедшей до нас «Повести временных лет». Ее первая редакция не сохранилась [17, с. I–XXV].

Как писал знаток древнерусской литературы академик Д. С. Лихачев, «Повесть временных лет» – произведение многих авторов-летописцев, которые не просто записывали события, свидетелями которых они были, но восстанавливали прошлое по самым разнообразным источникам, устным и письменным [10, с. 17–18]. Таким образом, Древнейший летописный свод стал лишь основой летописания во второй половине XI – в начале XII в., когда Ярослава Мудрого уже не было в живых и летописцам не было потребности писать «в угоду» великому князю. Более того, как отмечают исследователи, в летописях отразилось неоднозначное отношение летописцев к великому князю, в них есть следы скептического отношения к его военным успехам, особенно в Новгородской летописи, но обходится его ошибки и поражения, его хромота, а сочувственное отношение заметно не только к нему, но и Святополку [15, с. 48–49, 63]. Итак, сомневаться в исторической ценности летописных сведений, как видим, нет оснований.

Во-вторых, обвинители князя Ярослава избирательно подходят к историческим источникам, игнорируют принцип комплексного изучения, всесторонней проверки фактических данных из них. Те из авторов, кто выдвигает и пытается обосновать версию о непричастности Святополка к братоубийству, ссылаются на «Хронику» Титмара, где он пишет о бегстве князя Окаянного в Польшу, но замалчивают сведения из того же источника о злодейских планах и действиях польского князя Болеслава Храброго и его русского зятя в предшествующее время, подготовку заговора против Владимира Великого, игнорируют сведения из летописей о захвате его неродным сыном киевского «стола» [9, с. 59–69]. Такой избирательный подход к свидетельствам современников событий, летописям – явно конъюнктурный и является неправомерным методом доказывания «вины» Ярослава. В самом деле, вся совокупность сведений из разных источников о деятельности, мотивах поступков до 1015 г. «подозреваемых» ныне сводных братьев Святополка и Ярослава свидетельствует о коварных намерениях и действиях первого, скоординированных с намерениями и действиями польского князя и печенегами – тогдашними врагами Руси. Эти фактические данные обвинители Ярослава замалчивают. Причина очевидна – иначе нелогичным выглядит «бегство» Святополка

«в ляхы» после смерти великого князя Владимира. «И правда, – справедливо замечает академик П. П. Толочко, – зачем ему бежать в далекую Польшу, когда можно спокойно утвердиться на великокняжеском столе». Ведь он так долго домогался его!

В-третьих, есть и вещественные доказательства, раскрывающие истинные намерения, планы и проливающие свет на действия Окаянного, тоже, как правило, замалчиваемые, но по большей части неизвестные обвинителям Ярослава. Так, при жизни великого князя Владимира Святославича киевские мастера по его повелению чеканили золотые и серебряные монеты с изображением князя на аверсе и княжеского знака на оборотной стороне с надписью – «Владимира злато» или «Владимира сребро». По такому же образцу Святополк повелел чеканить свою монету, со своим изображением и своим княжеским родовым знаком. Так вот, если на монетах Владимира Святославича изображен княжеский знак – трезубец, то на монетах его пасынка Святополка – двузубец! Это был княжеский знак Ярополка Святославича – родного отца Окаянного. Иными словами, своим княжеским знаком он подчеркивал наследственность своей власти от Ярополка, старшего Святославича, а не Владимира, законность власти родного отца, а не приемного, дети которого – Борис, Глеб, Ярослав и другие не могли, по его представлению, претендовать на киевский престол при живом и единственном Ярополчиче. Его династическая ветвь – старше. Похоже, что отстаивая свое право на престол, он давно готовился отомстить за своего убитого отца князю Владимиру, а с его смертью – его сыновьям... Монеты же с надписью «Ярославле сребро» повторяют начертания букв, родового княжеского знака монет князя Владимира. Такой вывод подтверждается и выводами нумизматов, изучавших историю монетной чеканки на Руси в X–XI вв. [14, с. 83–86]. Трезубец с крестом имела и печать умершего старшего брата Ярослава – Изяслава, полоцкого князя, найденная при археологических раскопках [1, с. 229–230]. Так Ярослав Мудрый утверждал преемственность власти от своего отца – великого Крестителя Руси. Теперь становятся более понятными причины злодеяний и логика действий Окаянного.

Другим «убедительнейшим доказательством», часто используемым современными обвинителями Ярослава, являются сведения из скандинавской «Саги об Эймунде», которые «однозначно указывают на убийцу Бориса». Сага действительно красочно описывает подвиги Эймунда на Руси, его службу у князя – «конунга

Ярицлейва» [4, с. 107–112 ; 5, с. 515–523]. Эймунд убивает Бурислава и приносит конунгу Ярицлаву голову Бурислава. «Конунг краснеет, увидев голову» и т.д. Писатель Ю. Пелевин заявляет: «Бурислав – скандинавская калька со славянского имени «Борис», и только он единственный отвечает всем историческим реалиям, отнесенным в саге к Буриславу. Следовательно, убийцей Бориса придется признать Ярослава, а не Святополка». И пошла гулять в Интернете идея о «скандинавской кальке» с имени Бориса. Так делаются «сенсации».

Во-первых, сведения из скандинавской саги об убийстве Эймундом «Бурислава–Бурицлейва» современные обвинители Ярослава фактически используют для противопоставления летописям, «Житиям» и «Сказаниям» о Борисе и Глебе. Как справедливо заметил автор публикации в Интернете В. Вирилин, «слишком уж стали верить западным источникам и подвергать сомнению отечественные».

Во-вторых, непредубежденное изучение скандинавской саги как исторического источника не дает однозначного ответа на вопрос, кто же был убийцей князя Бориса. 1) Имя «Бурицлав–Бурицлейв», как считают знатоки скандинавского эпоса, встречается в ряде древнескандинавских источников и происходит от славянского имени Болеслав [13, с. 18]. 2) «Сага об Эймунде», считают они, – литературное, с элементами художественного вымысла, произведение, содержащее воспоминания участников русского похода Эймунда, передававшееся в устной форме из поколения в поколение, и впервые записанное в рукописи второй половины XIV в. Сага прославляет подвиги норвежского конунга, его отвагу, ловкость и находчивость, и эта особенность источника явно уступает своей достоверностью летописям.

В-третьих, если все же допустить, что «Бурицлав–Бурицлейв» – это Борис, то сведения о нем в саге в корне тому противоречат: он владеет киевским столом, а Ярослав – Новгородом; они воюют между собой, и в решающей битве благодаря варягам войска Бурицлава были разгромлены, а его владения достались «Ярицлейву конунгу»; новый поход Бурицлава «с бьярмами» (печенегами) и осада им Киева также заканчиваются их полным разгромом варягами, при этом Ярицлейв «был тяжело ранен в ногу»; убийство Эймундом Бурицлава; третий сын «конунга Вальдамара – Вартилав» владеет Полоцкой землей, к которому, после ссоры с Ярицлейвом, переходит на службу Эймунд с варягами; «мир между братьями Ярицлейвом и Вартилавом» и т.д.

Как нетрудно заметить, сведения в саге о Бурицлаве более всего повторяют факты биографии Святополка, а не Бориса. Иногда в саге биографические факты переплетаются с фактами биографии Болеслава Храброго, полоцкого князя Брячеслава – племянника князя Ярослава (в саге Ярослав и Брячеслав – братья). П. П. Толочко считает, что объединение в саге образов Болеслава и Святополка в один вполне понятно, поскольку они были союзниками. Поэтому однозначно утверждать, что «Бурислав – скандинавская калька со славянского имени Борис», значит лукавить, говорить читателю не всю правду. И уж никак нельзя такое предположение преподносить как доказательство виновности Ярослава в смерти Бориса. Предположения и в исторической науке, и в уголовном процессе не являются доказательствами.

В-четвертых, Эймунд с варяжской дружиной прибыл на Русь осенью 1015 г., нанятый великим князем для битвы со Святополком, когда братьев-страстотерпцев в живых уже не было. Для авторов эпоса это обстоятельство тоже не имело значения. Историки-исследователи в саге, и в частности в сюжете об убийстве Эймундом Бурицлава, находят многочисленные параллели, заимствования эпизодов из древнескандинавской и европейской литературы, которые не отвечали реалиям Руси [13, с. 18–19 ; 15, с. 51–52, 62]. Не делает эпизод более правдоподобным, считают они, и попытка отождествить Бурицлава с Борисом Владимировичем. Представляется более вероятным, что создание этого эпизода автором саги было связано со смутными воспоминаниями о смерти Святополка–Бурицлава после последнего сражения с Ярославом. Но такой эпизод имеет место и в летописях. Поэтому бесполезно пытаться взять из источника больше, чем он может дать и выстраивать версию обвинения на простом отождествлении имен Бурицлава–Бориса.

Так раскрывают «тайны» биографии Ярослава Мудрого любители сенсаций.

Список литературы

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля : очерки истории северной Белоруссии в XI–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – Минск : Белорусский гос. ун-т, 1966. – 430 с.
2. Алексеев, П. Великий князь Ярослав I Великий / П. Алексеев. – Москва : [б. и.], 1880. – 47 с.

3. Демиденко, Г. Г. Великий князь Руси Ярослав Мудрый : науч.-попул. очерк / Г. Г. Демиденко. – Харьков : Право, 2011. – 328 с. ; Правда Руська Ярослава Мудрого : початок законодавства Київської Русі : навч. посіб. / уклад. : Г. Г. Демиденко, В. М. Єрмолаєв ; вступ. сл. В. Я. Тація. – Харьков : Право, 2014. – 344 с.

4. Древнерусские города в древнескандинавской письменности : тексты, перевод, комментарий / [сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон] ; Ин-т истории АН СССР. – Москва : Наука, 1987. – 206, [1] с.

5. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. – Москва : Логос, 2003. – 606 с.

6. Карпов, А. Ю. Ярослав Мудрый / Алексей Карпов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 583 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей).

7. Костомаров, Н. И. Киевский князь Ярослав Владимирович // Исторические произведения. Автобиография / Н. И. Костомаров ; сост. В. А. Замлинский. – Киев : Киевский гос. ун-т, 1989. – С. 203–212. – (Памятники исторической мысли Украины).

8. Котляр, М. Ф. Чи Святополк убив Бориса і Гліба? / М. Ф. Котляр // Український історичний журнал. – 1989. – № 12. – С. 110–123 ; Котляр, М. Ф. Князь Окаянный? Был ли Святополк убийцей своих братьев Бориса и Глеба / М. Ф. Котляр // Родина. – 2000. – № 12. – С. 35–39 ; Филист, Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного / Г. М. Филист. – Минск : Беларусь, 1990. – 156 с. ; Росовецкий, С. Был ли мудрым Ярослав Мудрый? / С. Росовецкий // Персонал. – 2001. – № 8. – С. 30–34 ; Пелевин, Ю. Борис и Глеб : факты и метафакты / Ю. Пелевин // Отечественные записки. – 2006. – № 2 (29). – С. 276–288 ; Добриця, О. П. Князі Чернігівські / О. П. Добриця. – Чернігів : Десн. правда, 2007. – С. 24. ; Бузина, О. Тайная история Украины-Руси / Олесь Бузина. – Киев : Довіра, 2007. – С. 56–60.

9. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. [Вып. 1]. Середина IX – первая половина XII в. / сост., пер., коммент. М. Б. Свердлов ; Ин-т истории СССР АН СССР, Ленингр. отд.-е. – Москва ; Ленинград : Ин-т истории СССР, 1989. – 206 с.

10. Лихачев, Д. С. Величие древнерусской литературы // Памятники литературы Древней Руси : XI – начало XII века / [вступ. ст. Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. : Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев]. – Москва : Художественная литература, 1978. – С. 5–20.

11. Повесть временных лет. Ч.1. Текст и перевод / подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. : Д. С. Лихачев, Б. А. Романов ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1950. – 404 с. : ил. – (Литературные памятники / АН СССР).

12. Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1950. – 659 с.

13. Рьдзевская, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. / Е. А. Рьдзевская ; под ред. В. Т. Пашуто. – Москва : Наука, 1978. – 240 с. – (Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования).

14. Сотникова, М. П. Тысячелетие древнейших монет России : сводный каталог русских монет X–XI веков / М. П. Сотникова, И. Г. Спасский. – Ленинград : Искусство, 1983. – С. 15–110.

15. Толочко, П. П. Володимир Святий. Ярослав Мудрий / П. П. Толочко. – Київ : АртЕк, 1996. – 216 с. ; Толочко, П. Ярослав Мудрий / Петро Толочко. – Київ : Видавничий дім «Альтернативи», 2002. – 272 с.

16. Тороп, В. Ярослав Мудрый / В. Тороп. – Быково : Императорское Русское историческое общество, 2012. – 784 с.

17. Шахматов, А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания / А. А. Шахматов ; Императорская Археологическая комиссия. – Петроград : Типография А. В. Орлова, 1916. – VIII, LXXX, 403, [1] с.